

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 25, Is. 3, pp. 55–62, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-25-3-55-62
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(571.54)+94(510)

The Ethnicity of the Bayirqu Population Revisited

Bulat R. Zoriktuev¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: enhe_z@mail.ru.

Abstract

The article explores the ethnogenesis and ethnicity of the medieval Bayirqu people, one of the most influential tribes in the Tiele Turkic union. Though the issue was widely discussed in the last century, the researchers still have not reached a consensus. Thorough, objective and unbiased analysis of ancient Turkic and especially Chinese sources mostly testifies of the Turkic origin of the Bayirqu, due to the facts as follows:

- the Bayirqu were governed by chieftains referred to as ‘eltebers’ and ‘irkins’;
- the Tiele tribes, including the Bayirqu, were genetically close to the Tujue (Gokturks);
- the Bayirqu language had little difference from the language of the Tiele and therefore, that of the Tujue.

This is also supported by the fact that during the period of the Turkic khaganates there was no Mongolian ethnos as an ethnic unit. It emerged after the defeat of the Rouran khaganate when proto-Mongols started to form an ethnic group in the remote area of Ergenekon on the right bank of the Ergune (Argun). Formation and development of the Bayirqu is related to the east side of Lake Baikal. As a result of the mongolization of the territory that began in the late 1st millenium AD, the Bayirqu experienced dramatic changes in terms of their ethnic characteristics and gradually joined the Mongolian ethnic groups. There was a change of the language as well, and the mongolization process over, self-designation of the Bayirqu turned into ‘Barga’ (Bargut). This predetermined the Bayirqu’s entry into the union of Mongolian ethnic groups. The Bayirqu’s remote descendants now live in Northeast China.

Keywords: Bayirqu, Barga, elteber, irkin, Tiele, Tujue, mongolization, Baikal.

Проблема происхождения и этнической принадлежности общности *байырку*¹, игравшей заметную роль в составе тюрко-телеского племенного объединения, давно привлекает к себе внимание исследователей. Интерес усиливается тем, что *байырку*, о чем свидетельствуют источники, были прямыми предками монгольской племенной группы *баргут*, известной по таким памятникам XIII – начала XIV вв., как «Тайная история монголов» (далее — ТИМ) и «Сборник летописей». Их потомки, называясь данным им в начале XVIII в. маньчжурами именем *старые баргуты*, живут сейчас в Северо-Восточном Китае [Зориктуев 2016: 14–20].

К середине минувшего столетия в изучении *байырку* были достигнуты определенные успехи: выявлен основной круг источников, собран значительный по объему материал об их происхождении, генетических связях и взаимоотношениях с народами Южной Сибири и Монголии, определена территория первоначального обитания. Однако в дальнейшем существенных подвижек в разработке проблемы не произошло. Разное понимание и, как следствие, разная интерпретация данных одних и тех же источников ощутимых результатов не дали и ожидаемо привели к тому, что исследования, включая сегодняшние, в лучшем случае лишь повторяют то, что было сказано в 1950-е гг. В первую очередь это относится к вопросу об этнической принадлежности *байырку*, решение которого фактически застыло на уровне полувекковой давности. Одни исследователи и тогда, и сейчас полагают, что *байырку*, являясь составной частью объединения *теле*, имели тюркское происхождение. Другие считают, что, хотя данная общность входила в тюрко-телескую группу, она по своей этнической принадлежности относилась к монголам. В настоящей работе автором поставлена задача попытаться разобраться в этом сложном и важном по своей значимости вопросе, выходящем далеко за рамки истории этноса *байырку*.

Вопрос об этнической принадлежности *байырку* изучали многие исследователи: А. Н. Бернштам [Бернштам 1947], Л. П. Потапов [Потапов 1969], Е. В. Ковычев [Ковычев 1984] и др. В 1950 – начале 1960-х гг.

¹ Ее название в китайских источниках середины и второй половины I тыс. н. э. записывалось как *баегу*.

появились труды Г. Н. Румянцева, в которых данная проблема также заняла значительное место. Г. Н. Румянцев по праву относится к числу видных отечественных специалистов по изучению этногенетических проблем. Не случайно, что многие положения его работ, выдержав проверку временем, сохраняют свое научное значение и поныне. Основным недостатком его трудов является то, что почти все древние и средневековые этносы, когда-либо обитавшие на территории проживания современных монгольских народов, представлены в них как изначально имевшие монгольские корни. К сожалению, этот ошибочный взгляд он перенес и на *байырку*, вводя тем самым в заблуждение последующих исследователей. Главнейший его довод сводился к тому, что предводитель *байырку* носил монгольский, как ему думалось, титул *эркин*. Это означает, считал Г. Н. Румянцев, что *байырку* имели монгольское происхождение [История 1954: 43].

Приведенная гипотеза, выраженная одним коротким предложением, характеризующаяся отсутствием ее последовательного обоснования и ссылок на источники, никогда не становилась предметом критического рассмотрения. Может быть, именно поэтому, в силу ошибочно кажущейся ее неуязвимости, она до сих пор популярна среди некоторой части исследователей, придерживающихся научных взглядов Г. Н. Румянцева [Коновалов, Миягашева 2012: 177; Коновалов 2016: 6]. Хотелось бы напомнить, что за гипотезами, которые никак не обоснованы и не подкреплены ссылками на источники, обычно чаще всего обнаруживается пустота. Поэтому прежде чем довериться им, целесообразно во избежание повторения чужих ошибок подвергнуть их тщательному анализу и проверке. Во всяком случае такой подход может считаться правильным в свете существенно возросшего за последние пятьдесят лет уровня науки в области изучения этногенетических проблем.

Слово *erkin* в значении «главный» содер­жится в самом раннем дошедшем до наших дней монгольском источнике ТИМ. Данный памятник, как общеизвестно, был создан в 1240 г. К этому времени монголами была создана разветвленная сеть своей собственной титулатуры. Однако термин *erkin* в источнике в значении титула не встречается. Слово употреблено в тексте в самом повседневном и обыденном значении, что, на

наш взгляд, указывает на то, что не только в XIII в., но и в более раннее время это слово монголами в качестве обозначения титула не использовалось. Свое предположение проиллюстрируем немногочисленными примерами из монгольского текста ТИМ. В § 105 и 109 встречается выражение *erkin oede* ‘главная дверь’, под которым подразумевается верхнее дымовое отверстие войлочной юрты [Козин 1941: 222]. В § 208 говорится, что в 1206 г. Чингис-хан, объявив об образовании монгольского государства, воздал похвалу всем ближайшим сподвижникам. Обращаясь к Чжурчедаю, он дважды молвил одну фразу: «*Erkin tusa čino*», что переводится ‘главная заслуга — твоя’ [Козин 1941: 280].

Г. Н. Румянцев, конечно, знал слово *erkin* в ТИМ. Думается, ему была известна и сфера его употребления в монгольском языке в период написания памятника. И все же он, придав анализируемому слову *erkin* никогда не существовавшее у него значение титула, чем и объясняется отсутствие у него ссылок на источники, использовал его в качестве важнейшего аргумента для обоснования построенной им гипотезы.

Можно было бы предположить, что слово *иркин* (такое название обычно дают исследователи) существовало у монголоязычных жужаней. Некоторые исследователи пишут, что оно в китайской транскрипции *сыцзинь* содержится в китайских источниках в разделах о жужанях [Материалы 1984: 279]. Ученые объясняют наличие немногочисленных одинаковых названий титулов в тюркском и жужаньском языках фактором заимствования, которое могло развиваться в обоих направлениях. В то же время допускается альтернативная точка зрения об общем заимствовании тюрками и жужанями названий титулов через посредство хунну из третьего источника, каковым в период существования обоих этносов был китайский [Шервашидзе 1990: 90]. Представляется, что большинство исследователей, особенно те, кто, опираясь на хорошее знание источников, твердо уверены в тюркоязычности хунну, склоняются к этому варианту. Поэтому неслучайно, что среди исследователей доминирует предположение о тюркском происхождении титула *иркин*.

На наш взгляд, в данной ситуации, когда вопрос о соотношении доли заимствованной и исконной титулатуры у тюрков и жужаней требует дальнейшего скрупулез-

ного изучения, целесообразно посмотреть на проблему с другой стороны. Надо признать и тот факт, что в период образования и существования тюркских каганатов монгольского этноса еще не было. Жужани в середине VI в. были разбиты и отброшены с исторической арены, а появившиеся после них монголы только начинали складываться в этнос в труднодоступном районе правобережья Эргунэ (Аргуни) в местности Эргунэ-кун [Зориктуев 2011: 37–43]. Поэтому считать, что *байырку* в 540 г., когда их имя впервые прозвучало в китайских источниках, относились к монголам, по меньшей мере, некорректно.

Образовавшийся после разгрома жужаней в Монголии и некоторых сопредельных территориях вакуум был заполнен двумя крупными тюркоязычными группами — *тукю* и *теле*. Конечно, в их составе могли быть вкрапления мелких осколков сяньби, жужаней и других монголоязычных общностей. Но едва ли это были дееспособные этносы, способные играть сколь-нибудь значимую роль в регионе. Самое главное, что следует уяснить, — это то, что ни в первой, ни во второй половине I тыс. н. э. в составе монголоязычных этносов, перечень которых сегодня достаточно хорошо известен, в Центральной Азии не было этнической общности под названием *байырку*. Поэтому время от времени повторяющееся, не подтвержденное ни одним конкретным фактом мнение, что племена *теле* представляли собой не столько этническое, сколько политическое объединение, в котором, наряду с тюркскими, находились монголоязычные племена, в частности, *байырку*, носит сугубо умозрительный характер [Коновалов, Миягашева 2012: 177].

В свете сказанного не вызывает удивления тот факт, что в многочисленных источниках содержится целая россыпь сведений о том, что титул *иркин* носили тюркские правители и в их числе вожди *байырку*. Более того, следует особо подчеркнуть, что предводители *байырку*, кроме *иркин*, носили титул *эльтебер* [Хафизова 2014: 311]. Эти сообщения источников заставляют по-иному взглянуть на давно сложившиеся стереотипы. Например, в «Тузцзюе цзиши» («Материалы по истории тюрков») содержится сообщение, что *байырку* являются отдельным телеским племенем, живущим восточнее племени *боку* (*пугу*), их вождем является *эльтебер* Цюйлиши [Малявкин 1989: 141–

142]. *Эльтебер* — это тюркский титул, в таксономической вертикали занимавший место выше *иркина*. На наш взгляд, данный и другие подобные тексты должны внести перелом в ход устоявшихся рассуждений и дать понять, что, если у *байырку* имелись не только вожди *иркины*, но и *эльтеберы*, то тогда они по этнической принадлежности относились к числу тюркских племен.

Среди источников выделяются те, в которых этническая принадлежность *байырку* исключает двойное толкование. В надписи на древнетюркской стеле в долине Орхона в честь кагана Могиляна говорится, что при восшествии на престол Бильгя-кагана тюркские беги располагались в следующем порядке: позади, на западе, — тардуш-беги с Кюль-чуром во главе; впереди, на востоке, — толес-беги с Апа-Тарканом во главе; направо, на юге, — Таман Таркан с Тоньюкуком Бойла Бага Тарканом во главе. Далее в надписи отсутствуют слова «налево, на севере». Если бы они были, то последняя фраза в разбираемом тексте памятника звучала бы так: налево, на севере, находится «... вождь Внутренних буюруков Кюль-Эркин, а за ним буюруки. Столько теперь бегов...» [Малов 1959: 23]. Названный здесь Кюль-Эркин был правителем земли, называвшейся Байырку [Малов 1959: 91]. Ее местонахождение обозначено, повторюсь, отсутствующим в надписи (вероятно, из-за механических повреждений) словом «налево, на севере», которое по традиционной тюркской ориентации по сторонам света обозначало север и соответствовало современному Забайкалью. Поскольку Кюль-Эркин в тексте назван тюркским *бегом*, то это означает, что тюркское происхождение имело и племя *байырку*, вождем которого он был.

Исключительно важные сведения для понимания вопроса этнической принадлежности *байырку* имеются в китайских источниках. В «Суй шу» и «Бэй ши» указано, что племена теле баегу (т. е. *байырку* — Б. З.), пугу, тунло и др. — потомки хунну. Они относятся к туцзюэ. Нравы и обычаи их сходны [Суй шу 1973: 1879-1880; Бэй ши 1973: 3303]. Аналогичные данные имеются в «Синь Тан шу». Кроме того, в нем содержится весьма ценное сообщение, что «язык баегу мало отличается от языка теле» [Синь Тан шу 1975: 6139–6140], т. е. источник указывает на то, что *байырку* говорили на языке тюрков-теле, который в свою очередь

имел мало отличий от языка родственных телесцам тюрков-туцзюэ.

Приведенные источники имеют большое значение, поскольку четко указывают на этническую принадлежность *байырку* и племен телеской группы к *туцзюэ*, т. е. к числу тюркских этносов. Особенно важны сведения из «Синь Тан шу» о близости языка *байырку* и *теле* и, следовательно, языка *байырку* и *туцзюэ*. Если учесть, что первейшим признаком этничности является язык, то данное сообщение вносит максимальную ясность в вопрос об этнической принадлежности *байырку*. В этой связи нельзя считать случайным тот факт, что в хронике «Цзю Тан шу» ведущее племя телесцев *вэйху* (хойху) в одном случае упоминается как телеская, в другом — как туцзюэская общность [Цзю Тан шу 1959: 5356]. Придание в источнике фактической синонимичности этнонимам *теле* и *туцзюэ* может означать только то, что для китайцев этническая принадлежность телеских племен, и в их числе *байырку*, к тюркским никогда не вызывала сомнения.

С вышеизложенным материалом, как будет показано далее, хорошо согласуется содержание слова *байырку*, которое, что подтверждают все известные источники, является самоназванием изучаемого в настоящей статье этноса. Поэтому здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в I тыс. н. э. в составе тюрко-телеского объединения существовало племя *байырку*, название которого китайцами записывалось как *баегу*. Этнонима *баргут* в данное время не было. Поэтому недавнее высказывание П. Б. Коновалова и С. Б. Миягашевой о том, что якобы попавшие в VI в. в зависимость от тюрков монголоязычные баргуты стали вынужденно называть себя чужим именем *байырку*, а в IX в., после падения тюркского владычества, вернули свое самоназвание *баргут*, повторяющее предложенную в начале 70-х гг. минувшего века крайне неудачную и в теоретическом плане глубоко ошибочную гипотезу Ц. Б. Цыдендамбаева о замене и возврате по истечении ряда веков самоназвания, не более чем домысел, лишенный реальной основы [Коновалов, Миягашева 2012: 177–178; Коновалов 2016: 8].

Важно знать, что этносы развиваются по определенным законам, с которыми нельзя не считаться. Наличие этнонима (самоназвания) является необходимым условием и предпосылкой существования любого этно-

са, потому что его исчезновение означает утрату этнического самосознания. В свою очередь, утрата этнического самосознания, выражающего чувство принадлежности к определенной этнической общности и являющегося отражением в сознании людей реально существующих внутри нее этнических связей [Свод 1995: 114, 151], означает распад и смерть этноса. Возникший на его месте новый этнос имеет другое самоназвание.

Если взгляды П. Б. Коновалова и С. Б. Миягашевой рассмотреть сквозь призму этого важного теоретического положения и представить на миг, что этническая ситуация развивалась по предложенному ими сценарию, то однозначно можно было бы сказать, что для баргутов замена своего имени на чужое означала бы их полное самоуничтожение. С принятием нового имени, что явилось бы следствием коренной смены этнического самосознания, они стали бы осознавать себя не прежними баргутами, потому что воспоминания о монгольском прошлом исчезли бы бесследно из их памяти, а тюркским этносом, называвшимся *байырку*. После этого наивно было бы думать, что через три сотни лет, по завершении тюркского господства в Центральной Азии, у них могла появиться потребность снова стать монголами, что для решения этой задачи они могли отказаться от ставшего ненужным этнонима *байырку*, могли откуда-то, словно вещь, вынуть припрятанное до лучших времен имя *баргут*, сделать его своим знаменем и войти с ним в монгольский мир.

Байырку, как небезосновательно считают большинство исследователей, было одним из ведущих и наиболее заметных по численности и военной силе телеских племен, благодаря чему его имя вошло в китайские и древнетюркские истории. По-видимому, окончательное формирование и становление данной общности произошло на севере Забайкалья, в Баргузинской котловине, где сосредоточен весь имеющий отношение к баргутам фольклорно-топонимический и археологический материал. В частности, именно здесь этнос мог получить от более южных племен имя *байырку*. Значение данного слова, которое к настоящему времени сохранилось в киргизском языке, — «былой, древний, стародавний, первобытный, примитивный» [Юдахин 1965: 99]. Оно как имя могло быть дано *байырку*, потому что то место, где они жили, населению более

южных районов всегда представлялось глухой, холодной и малокультурной окраиной. Такая характеристика родины *байырку* на восточной стороне Байкала, где в XIII в. и после жили их потомки баргуты, приведена в «Сборнике летописей» [Рашид-ад-дин 1952: 123, 124, 157].

Территория обитания племени обозначалась его самоназванием — *Байырку*. Так сказано в надписи на стеле в честь тюркского кагана Могиляна. Напомним, что упоминаемый в ней Кюль-Эркин был правителем земли *Байырку*. То, что занимаемая общностью *байырку* местность действительно носила такое название, подтверждает фрагмент другой надписи на памятнике в честь тюркского Кюль-Тегина. Текст гласит: «Вперед (т. е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; ... налево (т. е. на север) я прошел с войском вплоть до страны *Йир-Байырку*, — вплоть до столь (многих) стран я водил (свои войска)» [Малов 1951: 34].

Существовали разные способы образования топонимов. Среди них известен один, согласно которому имя этноса становилось территориальным названием [Василевич 1963: 71–73]. На наш взгляд, топоним *Байырку* как раз представлял собой это довольно редкое топонимическое и одновременно этнографическое явление. И действительно, название местности вблизи Байкала и жившей там этнической группы одним и тем же словом свидетельствовало только об одном: на определенном этапе этноним *байырку* стал дополнительно выполнять функцию топонима. После того, как занимаемая племенем территория была полностью им освоена, она по имени своих обитателей в форме *Байырку* стала широко известна за пределами Байкальского региона.

Со временем, как позволяют судить китайские хроники, ареал расселения и кочевания *байырку* значительно расширился в юго-восточном направлении, простираясь до западного берега оз. Хулун [Суй шу 1973: 1880; Бэй ши 1973: 3303]. В период тюркских каганатов *байырку* больше упоминаются как жители южной половины своей территории. Близость к глубинным районам Центральной Азии позволяла им принимать самое активное участие в крупнейших событиях тюркской истории, наиболее громким из которых следует считать создание в первой половине VII в. каганата *сеяньто*. Надо полагать, после разгрома се-

яньто и падения Уйгурского каганата *байырку* вернулись на свою первоначальную родину к Байкалу, которую ни они сами, ни их потомки баргуты до ухода около середины II тыс. к верховью Амура и дальше в Китай в места современного обитания больше не покидали.

Предположительно в конце I тыс. н. э., после выхода на историческую авансцену монголов, началась монголизация территории около Байкала [Зориктуев 2011: 119]. Получившие интенсивное развитие ассимиляционные процессы изменили этнический облик *байырку*. Произошла смена языка, самоназвание *байырку* приняло монголизированную форму *барга*, которая путем прибавления аффикса множественности - *ууд* стала звучать и как *баргууд* (в русском написании — *баргут*). То, что дело обстояло именно так, неопровержимо доказывает идентичная семантика обоих этнонимов. Выше отмечено, что значение слова *байырку* — ««былой, древний стародавний, первобытный, примитивный». Аналогичную семантику имеет бытующее в бурятском и монгольском языках слово *барга* — «грубый, некультурный, необразованный, неотесанный» [Ковалевский 1846: 1108]. Одинаковое значение этнонимов *байырку* и *барга* (*баргут*) означает, что при переходе имени *байырку* из тюркского языка в монгольский некоторой перестройке подверглась лишь форма слова, смысл же его остался неизменным.

Изменились не только язык и самоназвание *байырку*. Трансформировалось и имя их исторической родины. Усиление монголизации прилегающих к Байкалу земель привело к тому, что топоним Байырку путем прибавления монгольского аффикса *-жан* (*-лжан*), использовавшегося для обозначения определенной территории или площади, приняло форму Баргажан (‘местность, где живет племя барга’). Название Баргажан с добавлением к нему слова *төхөм*, что придало новотопониму значение ‘Баргузинская впадина (котловина)’, в ТИМ воспроизведено как *Kol-Bargujin-togut*, в «Сборнике летописей» — *Баргуджин-Токум*.

Таковы происхождение и этническая принадлежность тюрко-телеской по происхождению племенной общности *байырку*. Их потомки, называющиеся *старыми баргутами*, живут в настоящее время на северо-востоке Китая, в местности Хулун-Буир и в некоторых других районах Евразии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 15-21-03004 «Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык».

Литература

- Бернштам А. Н.* Заметки по этногенезу народов Северной Азии // Советская этнография. 1947. № 2. С. 60–66.
- Василевич Г. М.* Самоназвание *орочон*, его происхождение и распространение // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. общ. наук. 1963. № 9. Вып. 3. С. 71–73.
- Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
- Зориктуев Б. Р.* О времени и путях прибытия двух групп баргутов Баргуджин-Токума в Северо-Восточный Китай // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 1(14). С. 14–20.
- История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Изд. 2-е. Улан-Удэ: Бур.-Монг. кн. изд-во, 1954. 495 с.
- Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь, составленный проф. О. Ковалевским. Т. 2. Казань: Унив. тип., 1846. 595–1545 с.
- Ковычев Е. В.* История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.). Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1984. 82 с.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
- Коновалов П. Б.* Баргуджин-Тукум и этническая генеалогия бурят // Баргуты: история и современность. Сб. науч. статей. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 3–15.
- Коновалов П. Б., Миягашева С. Б.* К проблеме этногенеза баргутов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. Востоковедение. С. 174–182.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 108 с.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 431 с.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введ., пер. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.

- Потопов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 219 с.
- Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциальные категории. Вып. 6. М.: ИЭА РАН, 1995. 216 с.
- Хафизова К. Ш. Кочевой мир в танской поэзии // Иран-наме. Науч. востоковед. журнал. 2014. № 1–2 (29–30). С. 304–331.
- Шервашидзе И. Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 81–91.
- Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Кн. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 503 с.
- Бэй ши (История северных [династий]). Пекин: Чжонхуа шуцзюй, 1973. 3303 с.
- Синь Тан шу (Новая история [династии] Тан). Пекин: Чжонхуа шуцзюй, 1975. 6140 с.
- Суй шу (История [династии] Суй). Пекин: Чжонхуа шуцзюй, 1973. 3766 с.
- Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан). Пекин: Чжонхуа шуцзюй, 1959. 5356 с.
- Kovalevskij O. M. *Mongol'sko-russko-francuzskij slovar', sostavlennyj prof. O. Kovalevskim. T. 2* [The Mongolian-Russian-French dictionary compiled by prof. O. Kovalevskiy. Vol. 2]. Kazan, Kazan University Press, 1846, 595–1545 pp.
- Kovychev E. V. *Istorija Zabajkal'ja (I—ser. II tys. n. e.)* [The history of Transbaikalia (the 1st – mid-2nd millennium AD)]. Irkutsk, Irkutsk State Pedagogical Institute Publ., 1984, 82 p. (In Russ.).
- Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaja hronika 1240 g. Vvedenie v izuchenie pamjatnika, perevod, teksty, glossarii* [The Secret history. The Mongolian chronicle of 1240. Introduction into the study of the manuscript, translation, texts, glossaries]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1941, 619 p. (In Russ.).
- Konovalov P. B. *Bargudzhin-Tukum i etniceskaja genealogija burjat* [Bargudzhin-Tukum and ethnic genealogy of Buryats]. *Barguty: istorija i sovremennost'. Sb. nauch. statej* [Barguts: history and contemporaneity. Collection of scientific articles]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, pp. 3–15 (In Russ.).
- Konovalov P. B., Miyagasheva S. B. *K probleme etnogeneza bargutov* [On the problem of ethnogenesis of Barguts]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 8. Vostokovedenie* [Bulletin of the Buryat State University], 2012, No. 8, pp. 174–182 (In Russ.).
- Malov S. E. *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* [Monuments of the ancient Turkic script of Mongolia and Kyrgyzia]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 108 p. (In Russ.).
- Malov S. E. *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti: teksty i issledovanija* [Monuments of ancient Türkic Literature: texts and studies]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1951, 451 p. (In Russ.).
- Malyavkin A. G. *Tanskije hroniki o gosudarstvah Central'noj Azii: teksty i issledovanija* [Tang Chronicles of Central Asian states: texts and studies]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 431 p. (In Russ.).
- Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov grupy dunhu. Vved., per. i komm. V.S. Taskina* [Materials on the history of ancient nomadic peoples — the Donghu. Introduction, translation and commentary by V. S. Taskin]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 486 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Etniceskij sostav i proiskhozhdenie altajcev. Istoriko-etnograficeskij ocherk*

References

- Bernshtam A. N. *Zametki po etnogenezu narodov Severnoj Azii* [Notes on the ethnogenesis of the peoples of North Asia]. *Sovetskaja etnografija* [Soviet Ethnography]. 1947, No. 2, pp. 60–66. (In Russ.).
- Vasilevich G. M. *Samonazvanie orochon, ego proiskhozhdenie i rasprostranenie* [The ethnonym 'orochon', its origin and dissemination]. *Izvestija Sibirskogo otdelenija Akademii nauk SSSR. Ser. obshh. nauk* [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The series of social sciences], 1963, No. 9, vol. 3, pp. 71–73. (In Russ.).
- Zoriktuev B. R. *Aktual'nye problemy etniceskoj istorii mongolov i burjat* [Actual problems of ethnic history of Mongols and Buryats]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2011, 278 p. (In Russ.).
- Zoriktuev B. R. *O vremeni i putjah pribytija dvyh grupp bargutov Bargudzhin-Tokuma v Severo-Vostochnyj Kitaj* [About the period and ways of the arrival of the two groups of the Barguts of Bargudzhin-Tokum to the Northeast China]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern journal of the humanities], 2016, No. 1 (14), pp. 14–20. (In Russ.).
- Istorija Burjat-Mongol'skoj ASSR. T. I. Izd. 2-e.* [History of the Buryat-Mongol ASSR. Vol. I. Edition 2]. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian Book Publ., 1954, 495 p. (In Russ.).

- [Ethnic composition and origin of the Altaians. Historical and Ethnographic Sketch]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 196 p. (In Russ.).
- Rashid-ad-din. *Sbornik letopisej. T. 1, kn. 1* [Collection of chronicles. Vol. 1. Book 1]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, 219 p. (In Russ.).
- Svod etnograficheskikh ponjatij i terminov. Etnicheskie i etnosocial'nye kategorii* [Collection ethnographic concepts and terms. Ethnic and ethnosocial categories]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology (RAS) Publ., 1995, 216 p. (In Russ.).
- Khafizova K. Sh. *Kochevoj mir v tanskoj poezii* [The nomadic world in Tang poetry]. *Iran-name. Nauch. vostokoved. zhurnal* [Iran-Name. Oriental Scientific journal], 2014, No. 1–2 (29–30), pp. 304–331 (In Russ.).
- Shervashidze I. N. *Fragment drevnetjurkskoj leksiki. Titulatura* [Fragment of the ancient Turkic vocabulary. Titulature]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of Linguistics], 1990, No. 3, pp. 81–91 (In Russ.).
- Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkij slovar'. Kn. 1* [Kyrgyz-Russian dictionary. Book 1]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1965, 503 p. (In Russ.).
- Bei shi (Istorija severnyh dinastij)* [Bei shi (History of the northern [dynasties])]. Beijing, 1973, 3303 p. (in Chinese).
- Czju Tan shu (Staraja istorija [dinastii] Tan)*. [Czju Tang shu (Old History of the Tang [dynasty])]. Beijing, 1959, 5356 p. (in Chinese).
- Sin' Tan shu (Novaja istorija [dinastii] Tan)*. [Xin Tang shu (New History of the Tang [dynasty])]. Beijing, 1975, Zhonghua shutzzyuy, 6140 p. (in Chinese).
- Suj shu (Istorija [dinastii] Suj)*. [Sui shu (History of the Sui [dynasty])]. Beijing, Zhonghua shutzzyuy, 1973, 3766 p. (in Chinese).

УДК 94(571.54)+94(510)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОБЩНОСТИ БАЙЫРКУ

Булат Раднаевич Зориктуев¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: enhe_z@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуются вопросы этногенеза и этнической принадлежности средневековой общности *байырку*, занимавшей видное место в составе тюркского племенного объединения *теле*. Их изучение достигло своего пика в середине прошлого столетия, однако у исследователей до сих пор не сложилось единого мнения по данному вопросу. Суммарный, максимально объективный и непредвзятый анализ сообщений древнетюркских и особенно китайских источников о том, что *байырку* управлялись вождями *эльтеберами* и *иркинами*, племена *теле* (включая *байырку*) генетически близки к *туцзюэ* (тюркам-тукю), язык *байырку* мало отличался от языка *теле* и, следовательно, от языка *туцзюэ*, больше говорят о тюркском происхождении *байырку*. Об этом свидетельствует и тот факт, что в период существования тюркских каганатов монгольского этноса еще не было. Появившиеся после разгрома жужаней монголы только начинали складываться в этнос в труднодоступном районе правобережья Эргунэ (Аргуни) в местности Эргунэ-кун.

Формирование и становление *байырку* произошло на восточной стороне Байкала. Начавшаяся предположительно в конце I тыс. н. э. монголизация территории привела к всестороннему изменению этнического облика *байырку* и их постепенному вхождению в состав монгольских этносов. Далекие потомки *байырку*, называющиеся *старыми баргутами*, обитают ныне на северо-востоке КНР.

Ключевые слова: байырку, баргут, эльтебер, иркин, теле, туцзюэ, монголизация, Байкал.